

Елка НЯГОЛОВА

РУКИ МАМЫ

Руки мамы укропом пропахли.
Детством. Летом. Визитом врача.
Я не плачу... Солёные капли?..
Это просто слезится свеча.
Это мама во сне осторожно
Простынёй укрывает меня.
Осчастливить, наверное, можно,
С неба светлую тенью маня...
Помнишь, мама, мы вместе искали
Трав целительных чудо-цветы.
И пока собирали – устали,
Задремали в траве – я и ты...
Снился папа... Такая примета –
Значит, скоро обед и привал.
«Это пчёлки, влюбленные в лето...» –
Он веснушки твои называл.
Пахнут руки запаркой из липы.
И мелькают шальные крыла
В небе синем... Под мамины всхлипы
Божья Матерь мне чай налила.

*Перевод **Анатолия Аврутина***

МАМИНЫ ГЛАЗА

Поздней осенью мама прозрела, к ней вернулся потерянный свет.
А с небес, озорно и несмело, папа мой улыбнулся в ответ.

Так похожи на звездные шрамы те фиалки, что ночью и днем
Рисовал в небесах он для мамы несгорающим звездным огнем.

Поздней осенью мама прозрела, сразу вспомнив мирские дела.
И поправила скатерть несмело... И раскрытую книгу взяла.

Этот голос ее одинокий всё сливался с мелодией строк.
И шептались любимые строки... И был голос совсем одинок...

Потому что мы обе – в неволе, потому что – хочу не хочу! —
Плачет белое облако боли и дождейки скользят по плечу.

Потому что сквозь боль и морозы, как бы я ни была далека,
Всё сливаются мамины слезы и печальная эта строка.

Слезы капали... Мама запела... Я не помню тех песенных слов.
Мама пела о том, что прозрела, а прозренье дала ей любовь.

Мчат года... Я не сплю до рассвета. И всё явственней вижу сейчас
Это белое облако света в небе плачущих маминих глаз.

*Перевод **Анатолия Аврутина***

БЕРЁЗЫ ВО СНЕ

Вновь во снах предстают предо мной эти русские чудо-берёзы,
Их вселенская вьюга босыми свела со двора.
Только нет Шукшина, что придёт и слезою согреет в морозы,
Нет защиты от пагубной лжи, что гораздо острее топора.
Мои девочки, вы сметены со двора в белоснежных одеждах,
Вам брести по коленив снегу, в сновиденьях в зенит уносятся.
Мировая гроза отразилась в распахнутых девичьих веждах,
Леденящая душу на вас проливается грязь.
Миллионными взглядами с ужасом смотрите на происшедшее,
Где клеветают на вас, задыхаясь от злобы, и смертью грозят.
Но нет страха у вас пред Кощеем, играющим роль сумасшедшего.
Не способна словесная грязь осквернить ваш невинный наряд.
Утопают в снегах мои девочки в свадебных платьицах белых.
В нашем южном краю их ровесницы пляшут на жарких углях.
На лету замерзают проклятия клеветников оголтелых
И, растаяв в кострах, превращаются в пепел и прах.
Осенят себя крестным знамением девочки – солнце очнётся,
Околет Кощей, мощь таящий свою в потаённой игле.
И закончится страшная сказка. И в мире спасённом начнётся
Настоящая жизнь. И наступит весна на земле.

*Перевод **Владимира Бояринова***

СВЕРЧОК

Не молчи, сверчок полночный,
У любимого в груди –
Грозы рушат дом непрочный –
Ты запой, и мир порочный
Во спасенье разбуди!

Как над брошенной деревней,
Над землей навис молчок.
Ты запой, сказитель древний,
Растревожь народ, сверчок!

Натяни потужи струны
Луговых июньских трав.
Вспомни дедовские руны,
Сострадающих собрав.

Вот уже июль на небо
Взвился со звездой во лбу,
Вот уже и август немо
Сеет ноты на лету.

Не молчи, сверчок любезный,
Пой пронзительно в тиши;
Вестью обнадежь небесной
Во спасение души.

Тебе пуговку к рубашке
Богородица пришьёт.
Думы Матушкины тяжки,
Больно сердцу за народ.

Пой, сверчок, во избавленьи
Сирых и скорбящих душ.
Скоро, скоро дождь осенний
Явится со стадом туч.

Помнишь, парень на откосе
Песню спел мне, став судьбой?
Песня старая, но в грозы
Ты смахни с глаз неба слёзы,
Чистые, как наши грёзы,
И в ночи мотив напой.

Мой сверчок, ты понимаешь –
Жизнь по-дьявольски кратка.
Ты башмак в пути теряешь,
Позабыв припев, хромаешь,
Но с молитвою шагаешь
Прямиком, без башмака.

*Перевод **Владимира Бояринова***

ГАЛЮЦИНАЦИИ

Свеча горела на столе...
Свеча горела...

Б. Пастернак

Когда не жду — меня находит
Сначала мрак.
А вслед за ним ко мне приходит
Сам Пастернак.

Он видит свечки свет на стенах
Сквозь тьмы покровы.
И то, как жадно пляшут тени
Огня слепого.

А может, снег ещё он чувствует,
что к окнам близко.
И хлеб. И ангельское чувство.
И сладкий привкус.

В его глазах ночных растаю.
Мгновенье зимнее.
Когда стихи его читаю,
Зовёт по имени.

Я сплю или нет. Какая разница?
Ведь яви нет уже....
А снег идет. И даль бескрайняя
Звенит монетами.

А небо с мелочью расправится,
Как ростовщик.
Беззвучно шепчет он и плавится –
Весь воск свечи.

В мир опоздала. Бесплезно
Мне слёзы лить.
А снег идёт по всей вселенной.
Косая нить...

Мы разошлись. В душе морозно.
Всем окнам — плакать.
А снег идёт, и строчки мёрзнут
Без Пастернака.

Перевод Максима Замшева

АРМЯНСКИЕ ГЛАЗА

Памяти Варгана

Вдруг нахлынет опять... Зазвучат озорные бемоли...
Вальс... Три четверти...
Клеткой

казались мне девичьи сны.
Ты глядел на меня...
Я во сне задыхаюсь от боли...
Ты глядел на меня... Просыпаюсь... И звуки черны...

Музыкант молодой... Ты играл... Ну а я танцевала.
Ты глядел на меня,
о любви ничего не сказав.
Чернота твоих глаз
столько света тогда излучала,
И стонали бемоли в безудержном беге октав.

Мой армянский дружок!..
Ты играл на старинном рояле.
Этот вальс сумасшедший,
когда даже кости дрожат.
Ну а я танцевала... О, *шине*¹...
И кости дрожали.
Снова *шине и шине*... Все дни танцевала подряд.

Мир кружил и кружил...
Вся земля показалась мне вальсом.
И армянские очи
дарили божественный свет.
Все мелодии дня
подчинялись стремительным пальцам.
Он меня обожал...
Ну а я обожала балет...

Почему я тогда о любви
у любви не спросила?..
А теперь догадайся –
где грёзы, а что – наяву...
И кружила меня
непонятная, страстная сила,
И казалось –
Чайковский следит, как я танцем живу...

¹ Шине – термин из классического балета

Просыпаюсь в ночи...
Сонный голос мне шепчет:
«Чего ты?..»
Всё смешалось – и годы,
и лет роковая печать.
Все рояли замолкли...
Лишь медленно каплют ноты –
Крохи первого чувства, что я не сумела понять...

Перевод **Анатолия Аврутина**

РАЙСКИЕ ЯБЛОКИ

Райские яблоки. Вместо рая.
Грустные взгляды – людей и ангелов.
Бел Андреев день – до бескрайности.
Серафимы – высоких рангов.
А человек – небо разжаловал.
А человек – фигура плакатная,
И в плакате – любовь и жажда.
И заснеженность необъятная.
Стих написан чернилами белыми
Нерадиво, с ошибками глупыми.
Тишина – как пред общим побегом...
Человечество, стой, ты запуталось!
Светлый рай на Востоке – проверено.
Снежные ангелы родом оттуда.
Райские яблоки. Рвали их смелые.
Ад свой носят в себе покуда.

Перевод **Татьяны Житковой**

ПЛАЧ О МАРИНЕ

Марина – крик в просторе синем,
Душа в сиянии бездонном.
Бессонна в августе Россия
И после августа – бессонна.
А небо цвета темной глины
Своей бездомностью волнует.
Бессонные стихи Марины
Приходят в пятницу страстную.
Большой ребенок... Полукровка...
Росинка на смолистом срезе...

Поэт напишет о веревке,
А после сам в петлю полезет...
Но почему, но почему же
Все это мне ночами снится?
Шесть граммов – столько весят души...
Подхватишь – ломит поясницу...

*Перевод **Анатолия Аврутина***

МОЛЧАНИЕ

Я так хочу молчанья среди крика,
Шумит базар, орёт до неприличья.
Я к Вавилонской речи не привыкла,
Всё больше погружаясь вбезразличие...

Всё больше я молчу и улыбаюсь:
Мне этот фильм знаком давным-давно!
Горчащие стихи безрадостно глотаю
И раздаю себя по капле вновь...

И я хочу молчать! Как перед хлебом.
Как пред дождём. Прощальные слова
Как перед дьявольскою болью слева.
И исповедь пред Богом отлагать...

Хочу молчать, что, кажется, забыла:
В каком шкафу узорчатый наряд;
За девятью замками будни скрыла,
Но вот душой открыта всем подряд...

И нет дождя. Луч светит криво-косо,
Да лишь перчатки на столе видны,
Почти как в кинокадре у Тарковского...
О, Боже мой, как жажду тишины...

*Перевод **Ивана Нечипорука***

СЕНОКОС

Мой луг скопил любимый вдохновенно
косою новой, не заметив даже,
как стон поднялся над травинкой каждой,
и замер вздох корней во мне мгновенно.

С земли райграс отчаянно сражался
рапирами с безжалостным драконом.
Один сверчок - мечтатель, сна лишённый,
среди цветов беспомощно метался.

Не отыскал четырёхпалый клевер.
А я ждала, что счастливы мы станем.
Возможно, мы для «Юга» были стары?!
Коса свистела: «Сссевер! Сссевер! Сссевер!»

Потом стемнело. Полумесяц ясный
спустил нам тайно ключик тот заветный.
Мы ключ имели. Но, утратив двери,
ушли в себя, оставив дар напрасный.

*Перевод **Елены Курелма***

КОГДА МЫ ВРОЗЬ

Когда меня уже не будет рядом,
И птицы улетят за мною вслед –
Глазницы гнёзд пустым отыщут взглядом
Тебя на перепутье прошлых лет.

Пустые гнёзда не закроют вежды,
Хвостами ножниц отсекут стрижи
Пути возврата и следы надежды...
Надежды наши помнишь ли, скажи?

А помнишь проблеск той надежды хрупкой,
Как мы с тобой гадали над гнездом
О тех птенцах, что зреют под скорлупкой,
О том, что с ними станется потом?

Читая вслух свой стих, ищу развязки.
И одинокая, как ты, сова
Своим внучатам сказывает сказки,
Передавая им мои слова.

Я слышу звуки пишущей машинки –
За дело дятел принялся чуть свет.
Не допуская ни одной ошибки,
Он вмиг перепечатал мой сонет.

И пара голубей к тебе без спроса,
Слетев с небес, присела на балкон.
Налей воды, насыпь им горстку проса,
Прими чистосердечный мой поклон.

Как загадала, так пусть и случится.
Когда мы врозь – тревожно на душе
И страшно оттого, что эти птицы
Весною к нам не прилетят уже...

Перевод **Владимира Бояринова**

«ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР!»

Задыхающееся стихотворение

Нам рано прощаться, любимый –
Ведь с яблонь не сняты плоды...
Рубашка, пропахшая дымом,
Не высохла... Дали пусты...
Не слышно аккордов... Мелодий...
Лишь чутко хранят облака
Слова, что пропел нам Володя:
«Вам рано прощаться пока...»

Нам рано прощаться, нам рано...
Еще прокричат петухи
Про наши душевные раны,
Невинные наши грехи.
Дождинка сбежит с водостока,
Спугнет шелестенье сверчка...
В ночи прозвучит одиноко:
«Вам рано прощаться пока...»

Нам рано прощаться... Я верю...
Еще довязать бы рукав
В твой свитер любви и потери,
Объятий, обманов, отрав...
Еще хоть немного, я знаю...
Оттуда, с небес, свысока
Высоцкий хрипит, повторяя:
«Вам рано прощаться пока...»

Нам рано... Хоть листья с березы,
Как старые фото, летят.
И кленов кровавые слезы
В багровое красят закат...
Но я не хочу многоточий,
Где в точке рыдает строка.
Всё в прошлом... А голос пророчит:
«Вам рано прощаться пока...»

*Перевод **Анатолия Аврутина***

ВОЛЧЬЯ МЕТЕЛЬ

В ночи столетняя метель
Являлась волком-альбиносом.
Он сон кромсал... Он страшным носом
Сминал мне детскую постель.
Тогда я к папиным рукам,
Заплавав, прижималась молча.
Метель ревела... Злая... Волчья...
И ужас плыл по облакам.
В ночи черешня под окном
Стенала и стучала в стекла.
А у меня подушка мокла...
Я жалась к папе... В горле – ком...
А волк луну и грыз, и тряс,
И ночь, как белую таблетку,
Вдруг проглотил... Сломалась ветка...
И в целом мире свет погас.
Спасенье – в папиных руках...
Волк злобно выл перед порогом...
Перед метелью и пред Богом
Ношу в душе извечный страх.
И не могу себе помочь,
Когда метель раскинет лапы...
Я всё ищу ладони папы...
Но папы нет... Лишь волк и ночь.

*Перевод **Анатолия Аврутина***

МУЗЫКА НА ПУСТОМ ПЕРРОНЕ

Пальцы, что в кровь порезаны,
Сломали печать небесную,
И поздно, и поздно дьявольски
Твердить: «Я уже осенняя...»
Все то, что глаза увидели,
Где жизнь, будто тень апокрифа,
Где горькая скрыта тайнопись...
Тропинку поцеловала я,
Здесь в землю твой след впечатался,
Здесь бьются ключи незрячие,
Пленив мою душу слабую...
Я сразу и не заметила,
Что очи теряют зрение.
Вокзал тишиной окутался,
И спал машинист, наверное.
Прошли эшелоны пыльные,
А мне Белый поезд чудился,
И сумрак, взмахнувший палочкой,
Той музыкой дирижировал.
Дорога звенела рельсами,
Не смея от мира спрятаться.
И Дева Мария кроткая
Явилась мне в ночь бессонную.
Платформа была пустынной,
И робко по ней ступала я.
А пальцы, казалось, восковы –
Исчезла печать небесная.
Ребенок крестился истово.
Ты память из глаз стирала мне,
Что Белого нету поезда,
Тихонечко мне поведала.
И я пред тобой, Пречистая,
Тотчас на колени рухнула,
И слезы из глаз закапали –
Из глаз, ничего не видящих...

Перевод **Анатолия Аврутина**

СОТВОРЕНИЕ МИРА

Изогнулся мир, как горбатый мост,
Жизнь и смерть о двух берегах,
На него Господь вышел в полный рост
С поднебесной рубахой в руках.

Он искал, кому подойдет она,
Чьей бессмертной станет судьбой,
Но лишь рыбью икру поднимала волна
Да искрился песок золотой.

Он искал второго, такого, как сам,
Чтоб рубаха впору была...
Но вокруг никого, только птичий гам
Да дежурная зыбкая мгла.

И тогда он сложил этот свет над рекой,
Птичий посвист да крыльев размах...
И увидел мальчишку с льняной головой
И смеющейся бездной в глазах.

И тотчас же запела речная вода
О любви, чей неведом предел...
Опустился Господь на колени тогда
И ребенку рубаху надел.

*Перевод **Елены Верховской***